

Юрий Димитрин

ПОРУГАНИЕ ЛУКРЕЦИИ

Свободный перевод либретто оперы в двух актах

Музыка Б. БРИТТЕНА

Английское либретто Р. Дункана по пьесе А. Обэ

Санкт-Петербург
2004

"Поругание Лукреции" – одна из самых пронзительно-трагических опер Бенджамина Бриттена.

История, происшедшая в 510 году до н.э. и связанная с обесчещенной наследником римского царя Тарквиния патрици-анки Лукреции, привлекала внимание многих историков, поэтов, художников, драматургов. Первым эту кровавую драму рассказал римский историк Тацит, затем – поэт Ливий, далее этот сюжет стал основой юношеской поэмы Шекспира. В эпоху Ренессанса история Лукреции неоднократно привлекала внимание великих художников, в т.ч. дважды Тициана. Иронический парафраз этой темы на русский, провинциальный лад создан Пушкиным (поэма "Граф Нулин").

В XX веке историческая легенда "Лукреция и Тарквиний" вновь обернулась трагическим мифом. В 1930-1940-х годах история о гордости и поправном человеческом достоинстве прочитывалась как патетический антифашистский сюжет.

В 1932 году на Бродвее с успехом шла пьеса француза Андре Обэ "Поругание Лукреции". Б. Бриттен и его либреттист Р. Дункан, приступая к "Лукреции", решили остановиться на пьесе А. Обэ, в которой их привлекли фигуры двух рассказчиков, комментирующих события, как в античной трагедии.

Центральной коллизией камерной оперы Бриттена и Дункана, где рассказчики названы Мужским и Женским хорами, становится обнаженный трагизм конфликта между духовным и чувственным. Два мира – словно два военных лагеря – противостоят друг другу в римском обществе, которое "поделилось беспощадно на женщин и мужчин", и любые средства – вероломство, обман, циничная распущенность, насилие – хороши в этой "войне полов". Опера заканчивается христианским эпилогом: еще каких-то пять веков – и родится тот, кто искупит грехи всех.

Бриттен закончил партитуру 26 мая 1946 года и вскоре в Глайнборне состоялась её премьера силами новой "Английской Оперной компании". В дальнейшем опера неоднократно исполнялась на организованных Бриттеном фестивалях в Олдборо, а так же во время европейских турне English Opera Group, в том числе в 1964 году в СССР (Ленинград).

В октябре 2002 года оперу привезла в Петербург, созданная в 1997 году манчестерская группа "Европейский Оперный Центр".

Настоящий перевод текста либретто "Поругание Лукреции" был создан Ю. Димитриным в 1982 году. В мае 2004 года на сцене театра "Санкт-Петербургъ Опера" состоялась первая русско-язычная премьера оперы. Режиссёр – Ю. Александров.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МУЖСКОЙ ХОР (рассказчик) – тенор

ЖЕНСКИЙ ХОР (рассказчица) – сопрано

КОЛЛАТИН, римский полководец – бас

ЮНИЙ, римский полководец – баритон

ТАРКВИНИЙ, сын римского царя – баритон

ЛУКРЕЦИЯ, жена Коллатина – контральто

БИАНКА, кормилица Лукреции – меццо-сопрано

ЛУЦИЯ, служанка Лукреции – сопрано

Рассказчики располагаются на возвышениях с обеих сторон сцены.

Во время пролога и интерлюдий сцена скрыта
за интермедийным занавесом.

Посвящается театру "Санктъ-Петербургъ Опера".
Ю.Д.

А К Т П Е Р В Ы Й

СЦЕНА ПЕРВАЯ

*Рассказчики, раскрыв каждый свою книгу, читают,
стоя перед интермедийным занавесом.*

МУЖСКОЙ ХОР.

Трон, римский трон ныне в руках этруска
По имени Тарквиний Гордый!
Он был слугою прежнего тирана Сервия.
Как раб тирана сам тираном стал?
Всю волю, хитрость, пыл слепой души,
Все подчинил Тарквиний адской цели.
В смиренье лживом спрятал гордость он.
И каждая из двух придворных партий,
Враждебных одна другой, союз этруску предлагала.
Рыдал Тарквиний над телами тех, кого убил.
Жрецов Тарквиний подкупал молитвами, скупцов – дарами,
Все ближе и ближе цель.
Пускались в ход лицедейство, подобострастье
И лести сладкий яд.
Взял в жены он младшую дочь тирана и убил ее.
Вновь сочетался браком,
Дочь Сервия старшую взял в жены.
И в ней обрел сообщницу он.
Наутро после свадьбы был Сервий удушен.
Тарквиний сел на трон и правит страной террором.

Меж тем их сын Тарквиний Младший – о нем наш рассказ, –
Считающий весь Рим своею девкой,
Смирняя ропот римлян, ведет их на войну.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Стара как мир эта уловка.
Создав врага вовне, внутри душить свободу.
Войска ворчат, но оставляют Рим.
И греки ропщут, свой покинув дом.
Но в каждой из армад ликуют полководцы.

(Закрыв книгу.)

О, как ты, время, медленно бредешь...
В тяжелом сне еще жить Риму пять веков,
Голгофы ждать.
Затем дотянет время и до наших дней,
Когда чтут иных богов, но течет та же кровь.

МУЖСКОЙ ХОР, ЖЕНСКИЙ ХОР.

В наш век, глядя, как войны Рим слепят,
Мы судим время, помня взгляд

Тех глаз, вознесших слезы к небесам,
В ту ночь, как начат новый счет годам.

Поднимается интермедийный занавес. Военный лагерь у стен Рима. Шатры полководцев.
МУЖСКОЙ ХОР.

Рождая жажду, вечер
Спускается на Рим,
Холмы в тумане, горизонт в огне.
И воздух давит на спины, как медведь.
Песню поют цикады,
Надеясь облегчить
Душный гнет молчанья.
Ловят запах грозы чуткие кони.
Жалобы лягушек гонят сон.
Легаты клянут солдат.
Солдаты – судьбу.
Споря с ночью Рима,
Огни мерцают в водах Тибра,
Словно сотни лун.

Отгибается полог шатра Тарквиния. Коллатин, Юний, Тарквиний – за трапезой.

КОЛЛАТИН.

Вознес нас к небу Вакх – лучший из философов.
Нас к богам приблизил Вакх, а отнюдь не Разум.
Лишь вино богов достойно, лишь вино! Вино!

ТАРКВИНИЙ, ЮНИЙ. Вино!

МУЖСКОЙ ХОР.

Вино... Время их уходит ночи вслед.
Их жизнь темна, и лишь вино их свет.
Надо долго пить, чтобы выгнать тоску из сердца.

ЮНИЙ.

Вернет на землю нас – худший из философов.
Купидон – блаженства бог. Разум – бог несчастья.

КОЛЛАТИН, ЮНИЙ.

Опьяненье – вот, что ищем мы в вине! Вино!

ТАРКВИНИЙ. Опьяненье – суть вина! Вино!

МУЖСКОЙ ХОР.

Слезами звезд покрылись небеса.
Мы пьем, смеясь над тем, что манит далью.
Вином стремясь расправиться с печалью.

ТАРКВИНИЙ.

Кто жар любви познал и губ нектарных негу,
Тот вечный пленник тоски, хоть и достиг он неба.

ТАРКВИНИЙ, ЮНИЙ, КОЛЛАТИН. Опьяненье – вот, что ищем мы в любви!

ТАРКВИНИЙ. Любовь! Любовь!

ТАРКВИНИЙ, ЮНИЙ, КОЛЛАТИН. Опьяненье – суть любви! Любовь!

ЮНИЙ.

Любовь! Да! Любовь!
Крови цвет в вине, и он же в любви!

ТАРКВИНИЙ. А все мужья – пустые бутылки!!

МУЖСКОЙ ХОР.

В ту ночь мужья вернулись тайно в Рим

Проверить, верны ли жены им.

ЮНИЙ. Марию нашли на маскараде.

ТАРКВИНИЙ.

Целию не нашли нигде.

Муж ее – Флавий – искал усердно.

ЮНИЙ.

Фригидий супругу застал.

Но, правда, вместе с неким цирковым актером.

ТАРКВИНИЙ. А поясок невинности Леды конюх её надел на шею.

ЮНИЙ. София пришла поздней ночью и была до странности пьяна.

ТАРКВИНИЙ.

А Юний, застав супругу с негром,

Сделал вид, что это сеанс массажа.

КОЛЛАТИН. Вся затея – ослиный бред. Я вас предупреждал.

ТАРКВИИЙ. Не тебе ворчать. Твоя Лукреция чиста.

ЮНИЙ. Его Лукреция чиста.

ТАРКВИНИЙ.

Ты один и выиграл пари.

А Юний – рогоносец!

Наш Юний самый мудрый из мужей –

Петух, лишенный песни.

ЮНИЙ.

Ты молчал бы, Тарквиний.

Весь Рим считаешь ты собственным притоном.

Жена! Жена мне не верна.

А ты! На что ты надеешься, на верность потаскух?

ТАРКВИНИЙ. Не забудь, что мой род правит Римом.

ЮНИЙ. А мой род – слава Рима!

ТАРКВИНИЙ.

А застать жену в постели с негром?

Лучше уж быть этрусском.

ЮНИЙ.

Дрянь ты!

Блудник!

Бабник!

Тля!

Молокосос!

Похотливый плебей!

Зад быка!

ТАРКВИНИЙ.

Выскачка!

Евнух!

Рыба!

Вошь!

Развалина!

Мерзостная свинья!

Ублюдок!

КОЛЛАТИН.

Хватит, друзья! Сберегите для греков пыл.
Пей, Тарквиний. Вот кубок. Твой тост!

ТАРКВИНИЙ. За верность Лукреции! За чистоту Лукреции!

ТАРКВИНИЙ, КОЛЛАТИН, ЮНИЙ. Лукреция!

Юний выходит из шатра, опуская за собой полог.

ЮНИЙ.

Лукреция! Проклятое имя! Лукреция! Лукреция!
От этого слова я болен! Лукреция!
Ее безвинность – это мой позор! Лукреция!

Завтра же Рим осмеет меня! Рим осмеет меня!
И, что страшней – жалеть начнет!
Жалеть меня!
Лукреция! Лукреция! Лукреция!

МУЖСКОЙ ХОР.

Да, это так.
Что больше льстит друзьям, чем наше посрамленье?
Ничто так не бодрит их, как сплетни о нашем позоре и боли.
А если гневу дал ты волю, –
Погиб навек, – ты шут в их мненьи.

ЮНИЙ.

Теперь надо мной смеются юнцы любой из школ,
Дразня друг друга. "Юний!", "Юний!" вместо "Ты осел!"
Коллатин привлек римлян, покоров толпу не умом,
Не мужеством бойца – верностью Лукреции!
Сытый Рим живет отныне культом верности... Лукреции!

МУЖСКОЙ ХОР.

Коллатин, как политик ты выиграл.
Ты обладаешь такой женой...
Ее любовь и верность вознесли тебя.
Коллатин, ты счастлив. Как ты счастлив!
О, Господь, как просто зависти проникнуть в нас
И свить гнездо в душе,
И как быстро зависть сердце слепит.

ЮНИЙ. Лукреция!!

Коллатин выходит из шатра.

КОЛЛАТИН.

К чему этот яд и ненависть? Тарквиний наш вожак.
И ссора ваша неуместна.
Тебя ослепила неверность твоей жены.

ЮНИЙ.

В моем сердце боль, тоска и стыд.
Я сломлен, я погиб.
Поймешь ли всю горечь чужого позора?
Ведь ты же так горд чистотой Лукреции.
(*В сторону.*) Иль удачей?

КОЛЛАТИН. Друг мой! (*Протягивает Юнию руку.*)

ЮНИЙ. Коллатин. (*Обнимаются.*)

КОЛЛАТИН.

Кто любит, тот в цепях! Но в них свободен он.
 Кто любит, только тот спасается от одиночества.
 Любовь его звезда!
 Время – вестник смерти – грозный враг любви.
 Но кто в ее цепях, тот забывает, что не вечна жизнь.
 В цепях любви, мой друг, спасение от прозренья!

Тарквиний выходит из шатра.

ТАРКВИНИЙ.

Опьянение! Вот что ищем мы в любви!
 Вино! А глупый Юний...

КОЛЛАТИН. Тарквиний, перестань.

ТАРКВИНИЙ. Бутылка Пустая! Бутылка!

ЮНИЙ (*Коллатину*). Скажи ему...

КОЛЛАТИН (*Тарквинию*).

Ты позоришь свой трон,
 Вздоря, как плебей безродный.

ЮНИЙ (*Тарквинию*). Свинья!

КОЛЛАТИН (*Юнию*).

Перестань! Будет вам.
 Что, разве нет у нас задач важнее ваших свар?

ЮНИЙ:

Готов я все забыть.
 Дай руку мне, Тарквиний.

Рукопожатье.

КОЛЛАТИН.

Дрожите, греки. Рим теперь может спать спокойно!
 (*Всем.*) До завтра.

ТАРКВИНИЙ, ЮНИЙ. Прощай.

Коллатин уходит в свой шатер.

ТАРКВИНИЙ. Как все же счастлив он.

ЮНИЙ. И как удачлив он.

ТАРКВИНИЙ. Надежней честь его, чем мой этрусский трон.

ЮНИЙ. Трон твой, а подле трона – он.

ТАРКВИНИЙ. А я у ног его Лукреции!..

ЮНИЙ.

Когда нубийцы, безмолвье скал нарушив,
 Алмазы ищут, покой и сон забыв,
 Пытаясь разгадать подземных кладов суть...
 Какой торит огонь в сердцах нубийцев?
 Ужели мертвый свет алмаза?

ТАРКВИНИЙ.

Какая сила за Тибр уводит римлян?

Что заставляет египтян нырять на дно,
 Рискаю жизнью, не боюсь акульих стай,
 Искать в пучине вод прекрасный жемчуг?
 Ужель бездушный блеск жемчужин?
 ТАРКВИНИЙ, ЮНИЙ.
 Когда честнее человек бы стал,
 Признал бы он, что вся жизнь его
 Есть осмысление того, что видит глаз.
 Видеть мало нам, нам надо мыслить.
 Что же есть любовь? Блаженство? Счастье?

ЮНИЙ. Мы верим в нее...

ТАРКВИНИЙ. И опять мираж, опьянение...

ЮНИЙ. Куда ты клонишь?

ТАРКВИНИЙ.
 Во-первых, во-вторых, в-пятых, мой друг, и, в-последних,
 Женщину все мы жаждем.

ЮНИЙ. Ну?..

ТАРКВИНИЙ.
 Но наша гордость – всему начало,
 А конец всему – жажда власти.

ЮНИЙ.
 Это вздор, но спор бесплоден.
 Несчастны оба мы. Я... Я – от неверности жены. Ты...

ТАРКВИНИЙ.
 Я от продажности потаскух.
 Я устал от грязных женщин. В них нет тайны.
 И кому польстит успех у куртизанки?

ЮНИЙ. Вот Лукреция и Коллатин?

ТАРКВИНИЙ. Ах, Лукреция – она чиста.

ЮНИЙ. Но чистота, верь мне, терзает любую женщину.

ТАРКВИНИЙ. Она чиста, она добродетельна...

ЮНИЙ.
 Жены верны, если спят сердца их.
 Лукреция чиста, но не бесстрашна.
 Мысли всех женщин распутны.

ТАРКВИНИЙ. Но не Лукреции.

ЮНИЙ.
 Как, ты защищаешь честь Лукреции?
 Как мы часто защищаем честь женщины к выгоде своей.

ТАРКВИНИЙ. Посмотрим, кто прав из нас...

ЮНИЙ.
 Нам не на что смотреть, ты не так уж смел.
 Спокойной ночи, друг.

*Юний уходит. Тарквиний прохаживается перед шатром,
 что-то обдумывая.*

МУЖСКОЙ ХОР.

Тарквиний не рискует, пока он не надеется.
 "Но я ведь закон для Рима".
 И закон для Лукреции...
 А Рим недалеко, недалеко...
 Вот он... вон он..."
 Иди в шатер, Тарквиний, спать ложись.
 "Как близок Рим – рукой подать.
 И город спит... И Коллатин уснул...
 Лукреция...
 Коня! Коня!!"

И Н Т Е Р Л Ю Д И Я

МУЖСКОЙ ХОР.

Не ждет он, чтобы грум
 Оседлал жеребца.
 И украсил сбрую.
 Узду сам накинув,
 Коня он выводит.
 Удила стальные рвут упругие губы.
 Жеребец не оседлан и пятится назад.
 Шпоры, впившись в бока,
 И хлыста злой ожог
 Посылают коня в галоп.
 Безумен порыв коня.
 Неистов наездник.

Ветра вой. В глазах темно.
 Бег и конь слились в одно.
 Пот и пыль из-под копыт.
 Ржет скакун, в ночь летит.

В ночь, во тьму.
 В Рим, вперед!
 Как одно существо.
 Бег – полет.
 Мчится конь, рвет удила.
 И уже никакая сила
 Не замедлит бега.
 Кто скакун, кто наездник?
 Тарквиний стал зверем,
 А зверь Тарквинием.
 Все ближе свет огней.
 Мчится тень из двух теней.
 Эта гонка насмерть.
 Пряма дорога, как стрела.
 И словно страсть слепа.
 Слепа как страсть!

Но вот речная гладь...
 Назад, Тарквиний.
 Это Тибр. Опомнись!
 Поплывешь – погибнешь.
 Замер конь.
 Не хочет плыть.
 Но сын царя – страсти раб.
 Сейчас скакун и всадник
 Сон реки нарушат,
 Разрезав покой Тибра
 Боками и плечами.

Тарквиний видит цель!
Он ведет! Ты сдался, Тибр!
Лукреция!

СЦЕНА ВТОРАЯ

*Зал в доме Лукреции. Лукреция занята вышиванием.
Бианка и Луция за прялкой.*

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Вращенье колеса рождает мыслей бег.
Грусть и надежда, грусть и надежда.
Внимая мыслям бредит сердце. Бредит, и бредит, и бредит.

ЛУКРЕЦИЯ.

Я – это ты.
Мы – одно, Коллатин.
Разлука может нас убить.
Ведь каждый миг мы оба ждем
И оба желаем.

ЖЕНСКИЙ ХОР (*глядя на Бианку*).

Ей шепчет колесо, что молодость прошла.
Грусть без надежды, грусть без надежды.
И тает времени руно. И тает.
Тает, и тает, и тает.

БИАНКА.

Наши надежды с годами гибнут...
Надежды с годами гибнут.
Матерью я уже не стану.
Подарена мне небом Лукреция.
Лукреция, дитя мое!..

ЖЕНСКИЙ ХОР (*смотря на Луцию*).

Вращенье колеса – любовные мечты.
Грезы, надежды...
Скоро ли сбудутся сны?
Грезы, надежды...

ЛУЦИЯ.

Кто мужем мне станет,
Любовь или жалость?
Вся жизнь моя в Лукреции.
Ждет госпожа, жду и я, –
Ее тень и эхо.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Вращенье колеса.
Рожденье полотна.
Грусть и надежда...
Бег колеса.
За нитью нить...
Пряжа готова.
Пряжа готова.
Пряжа готова.

ЛУКРЕЦИЯ, БИАНКА, ЛУЦИЯ.

Нить за нитью – пряжа.
День за днем – надежда.
Смерть – последний наш любовник.
Сердца жар возьмет у каждой.
И оставит холод, вечный холод.

Лукреция вздрагивает и испуганно прислушивается.

ЛУКРЕЦИЯ.

Тише. Какой-то шум.
Кто-то стоит у ворот.
Луция, посмотри.

Посыльный от Коллатина?
Ну, Луция...

Луция уходит.
БИАНКА.
Не беспокойся, дочь моя.
Для посыльного слишком поздний час.
И, кроме того, твой супруг Коллатин
Нам прислал сегодня два письма.

ЛУКРЕЦИЯ.
Как долго продлится их поход?
Крадет разлука день и час, годы крадет.
Не гром победный наш успех.
Успех в ином – поход окончен.

БИАНКА. Дитя, печали – плод надежды.

ЛУКРЕЦИЯ.
Все же, кто это мог бы быть?
(*Возвратившейся Луции.*) Ну, кто там?

ЛУЦИЯ. Нет никого. Все тихо.

ЛУКРЕЦИЯ. Но там кто-то стучался.

БИАНКА. Был это сердца стук.

ЛУКРЕЦИЯ.
Да... Сердце ждет его, рвется к нему.
Безрассудно, словно дитя...

БИАНКА.
Сердцу радостней желать и не иметь,
Чем вовсе не желать.
Пускай ждет сердце.

ЛУКРЕЦИЯ.
О, как жесток закон мужчин.
Мужчина учит нас любви, от грез до жаркой страсти...
И оставляет, оставляет нас одних.
А мы тоскуем. О, как жесток закон мужчин.

БИАНКА. Пора ко сну, ты так утомлена.

ЛУЦИЯ. Остановим колесо, госпожа?

ЛУКРЕЦИЯ. Да, и полотно расстелим.

ЖЕНСКИЙ ХОР.
Текут года сквозь пальцы женщин.
И эти пальцы весь свой век руно прядут,
Повсюду оставляя след усталого сердца.
Этот след их вечен. Стереть его нельзя.
Пальцы их крутят колесо прялки.
Рождение, смерть – прядут их пальцы пряжу.
Свет в сердца или сумрак – прядут их пальцы пряжу.
Нежность пальцев – оружие их любви.
Заботливость их пальцев – святость дома.
Символ женщины – очаг. Для мужчин он тайна.
Щадя мужчин, время, строя их очаг, старит женщин.

ЛУКРЕЦИЯ. Слепа ночная мгла в царстве молчащих улиц.

БИАНКА. О, да... В этой мгле слышны даже мысли.

ЛУКРЕЦИЯ. Ну и что же ты слышишь?

БИАНКА.

Все же странно. Кто был там у ворот.

(Рассказчик делает ей предостерегающий знак.)

Поздно, дочь моя, и время идти ко сну.

А мы с Луцией ткань сложим одни.

ЛУКРЕЦИЯ.

Так ли устала я?

Лучше быть чем-то занятой, чем тосковать на ложе.

...Оставим здесь светильник и ляжем спать.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Крадется медленный сон

Вдоль спящих каменных стен.

На нимбы фонарей покров набросил он.

МУЖСКОЙ ХОР.

Эта ночь звучит.

И эхо разносит тьму.

А вот – стук копыт.

И отзвук римских камней.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Бег Тибра бесконечен.

Лента воды гладка.

И яркие звезды,

Отражаясь в ней, плывут.

МУЖСКОЙ ХОР.

Звук шагов. Лай собак.

Сонный крик петухов.

Пьяный смех потаскух.

Стук копыт тяжел и сух.

ЖЕНСКИЙ ХОР. Весь город замер во сне.

МУЖСКОЙ ХОР. Вот и дом Коллатина.

ЖЕНСКИЙ ХОР. Странная тишина...

МУЖСКОЙ ХОР.

В белой пене черный конь,

Бока в кровавых пятнах.

ЖЕНСКИЙ ХОР. Как будто стены покрыты черным бархатом.

МУЖСКОЙ ХОР. Он спешился. Сейчас он...

Стук в дверь.

(В следующей сцене мимика и движения актеров комментируют рассказчиков.)

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Женщины неподвижны.

Для вестника слишком поздний час.

Для друга слишком громкий стук.

Луция рвется к дверям.

Вдруг сам Аполлон ждет за дверью.

Сжимает липкий страх горло Лукреции.

В душе ее предчувствие беды.

ТАРКВИНИЙ. Именем царя и величья Рима!

ЖЕНСКИЙ ХОР. Луция, вся дрожа, открывает дверь.

МУЖСКОЙ ХОР. Надменный Тарквиний входит в дом.

ЖЕНСКИЙ ХОР. Поклоны женщин. Это сам наследник.

МУЖСКОЙ ХОР.

Вот он склонился к руке Лукреции.

Взгляд его скользит к ее груди. Желанье пьянит его глаза.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Вопрос Лукреции учтив:

Скоро ли войско их продолжит свой поход?

Как муж ее, здоров ли он?

Что за новость гость принес ей в час ночной?

МУЖСКОЙ ХОР. Тарквиний смеется и спешит развеять опасенья.

ЖЕНСКИЙ ХОР. Он внимает молча.

МУЖСКОЙ ХОР.

Потом он просит дать немного вина –

Конь загнан, гость устал.

БИАНКА (*в сторону*). Зачем приехал к нам Тарквиний в этот поздний час?

ЛУЦИЯ (*в сторону*). Как смеет он гостеприимства просить в их доме?

БИАНКА (*в сторону*).

Где господин Коллатин? Он сам обязан встретить гостя.

Отсутствие его опасно.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Дом Лукреции рядом с роскошным дворцом этрусков.

Но этикет диктует: наследника принять.

И Лукреция предлагает гостю одну из комнат.

Учтиво пожелав ему:

ЛУКРЕЦИЯ. Спокойной ночи.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

И Бианка, с кротостью прислуги

Голову склонив, рождает трепет слов:

БИАНКА. Спокойной ночи.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Взгляд Луции выдает волнение,

И поклон ее чуть ниже, чем у остальных.

ЛУЦИЯ. Спокойной ночи, светлейший, спокойной ночи.

МУЖСКОЙ ХОР.

И Тарквиний, с грацией этруска склоняясь к руке Лукреции,

Вновь выпрямившись и поднеся руку к губам:

ТАРКВИНИЙ. Спокойной ночи.

ЛУЦИЯ, БИАНКА, ЛУКРЕЦИЯ.

Прощай, светлейший.

Прощай, светлейший.

Прощай.

ТАРКВИНИЙ

Прощай, прощай,

Лукреция.

Прощай, Лукреция.

МУЖСКОЙ ХОР, ЖЕНСКИЙ ХОР.

Ритуал прощанья завершает

поклон со словами:

Все уходят. Рассказчики, открыв

каждый свою книгу, углубляются в чтение. Занавес медленно опускается.

Конец первого акта.

ВТОРОЙ АКТ

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Поднимается занавес. Рассказчики в прежней позиции.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

В чем секрет великих побед этрусков?
 В чем тайна процветанья их?
 Их мужчинам не ведом страх,
 А все их женщины плодовицы.
 Старый Рим, отдав этрускам трон,
 Одел свои стены в камень – столица столиц.
 И чужаки этрусски слышат проклятья римлян,
 Льющих пот в каменоломнях.
 А дворцы этрусков украшаются
 Парчой, малахитом и янтарем,
 Дорогой резьбой и коврами,
 Что выткали руки римлян во тьме подвалов.
 В искусстве их все тот же парадокс:
 Страсть к убийству и к созиданию страсть.
 У шеи лебедя лису рисуют,
 А над могильным холмом фаллос ставят.

МУЖСКОЙ ХОР.

И Тарквиний Гордый – солнце Рима –
 Сжигает властью гордый Рим.
 И весь город...

ГОЛОСА ЗА СЦЕНОЙ.

Долго ли быть нам этрусскими рабами?
 Для них ты рынок, о великий Рим!
 Римляне, встаньте!
 Сыновей наших развращают бойней.
 Бесстыдными танцами – дочерей.
 Рим – город Римлян!
 Здесь доносчика найдешь в любой из потаскух.
 Здесь любая девка – наушник царя.
 Смерть чужеземцу! Смерть!

Скажи, нашел ты друзей среди пришельцев?
 Если нет – погибнешь, бесправный раб!
 Смерть чужеземцу! Смерть!
 Рим, волчица в нас не спит.
 В сердце гнев, но мы молчим.
 Бой полночный слышит Рим!
 Меч наточен. Кровь кипит.
 Смерть чужеземцу! Смерть!
 Рим – город римлян!

МУЖСКОЙ ХОР.

И Тарквиний Гордый – солнце Рима -
 Сжигает властью гордый Рим!
 И ненавидит город чужаков.
 Он ненавидит кичливую знать,
 Их ритуалы и оргии, страсть к убийствам в их царях.
 Все ставни на замках.
 Весь Рим готов восстать.

Но каждый погранный камень шепчет римлянам.

(Опустив книгу, по которой читал.)

"Вне нас тиран, но тирания в нас.
Исчезнут толпы – вечна лишь толпа.
Страх перед силой живет в любом из нас.
Страданье – вот мерило наших душ.
Вот веры нашей сосуд".
Создатель, исцели нас всех от слепоты.
Назначь свой день... Ведь наш день – сплошная ночь.

МУЖСКОЙ ХОР, ЖЕНСКИЙ ХОР *(в зал).*

Мы здесь, где сцены свет и зала мрак.
На шаг от вас, от них на шаг,
И пусть темны те давние лета –
Мы смотрим в глубь веков сквозь лик Христа.

Поднимается интермедийный занавес. Лукреция спит. Рядом горит светильник.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Лукреция спит. Горит свеча.
И свет, словно лилия, по озеру плывет,
Освещая веки закрытых глаз.
И тревога тонет в объятиях сна.
И прекрасно во сне ее лицо.
Ты спишь, Лукреция...

МУЖСКОЙ ХОР.

Вождельные спит и Тарквиний смелеет.
Рассудок засыпает в нем.
Желанье – дьявол его и бог.
И крадется он, как пантера.
Вот миновал он зеркала.
Тихо галерею пересек.
Пантера умеет убивать.
Бюст Коллатина перед ним.
Как спокоен взгляд слепых глазниц...
Вот прошел он Бианки дверь.
Служанка, проснись. Будет поздно.
Сын царя – похоти брат.
Шагнет. И замрет на миг... И новый шаг...
Крадется грех. Но грациозен он, как добродетель.
Назад, Тарквиний!

Тарквиний останавливается у изголовья спящей Лукреции.

ЖЕНСКИЙ ХОР. Ты спишь, Лукреция...

ТАРКВИНИЙ.

Одна свеча сон ее хранит.
Тайны сна ее прозрачный нимб,
Как отблеск хрусталя...
Ты знал обнаженной ее,
Ты счастлив, свет свечи.
Ее наготу смывает тьма, когда ты гаснешь.
И ночь ложится с ней!
Распят мир подобной красотой.
Сломать ее. Любой ценой.

Склоняется над спящей Лукрецией.

ТАРКВИНИЙ.

Где ты? Лукреция? Где ты,
Лукреция, где ты?
Где ты, Лукреция, где ты?
Сбрось покрывало, проснись...

ЖЕНСКИЙ ХОР.

О, нет, нет, не просыпайся.
Нет! Во сне видишь ты
Коллатина...
Спи, спи, Лукреция. Спи...

ТАРКВИНИЙ.

Ночная синь – вот цвет ее ресниц.
А цвет ее губ – кровавый рубин.
Прильнуть к этим жарким губам...
Лукреция, проснись, это я...
Тарквиний целует Лукрецию.

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Прочтнн ответ в ее губах.
Во сне Коллатин снится ей.
Вновь она тянет губы к Тарквинию.
Иных желая губ... и...

Лукреция просыпается.

ТАРКВИНИЙ. Лукреция!

ЛУКРЕЦИЯ. О, боги! Ты?!

ТАРКВИНИЙ. Я.

ЛУКРЕЦИЯ. Что тебе нужно здесь?

ТАРКВИНИЙ. Всё! Нужна мне ты!

ЛУКРЕЦИЯ.

О, в дикой чаще снов моих...
Ты мне всегда являлся тигром,

ТАРКВИНИЙ.

Дай мне себя. Дай мне забыться.
Утонуть хочу в глазах твоих.

ЛУКРЕЦИЯ. Нет!

ТАРКВИНИЙ. Дай мне себя, и я навеки опущусь в могилу бедер твоих.

ЛУКРЕЦИЯ. О, боги!

ТАРКВИНИЙ.

Дай мне себя, дай губы мне...
Грудь обнажи свою. Дай мне себя...

ЛУКРЕЦИЯ. Нет! Нет! Нет!

ТАРКВИНИЙ. Дай мне! Дай мне!

ЛУКРЕЦИЯ. Все, что просишь ты, взял тот, кем я любима.

ТАРКВИНИЙ. Дай, дай войти мне!

ЛУКРЕЦИЯ.

Как я могу это сделать, если в сердце Коллатин.
Его любовь во мне. Все, чем живу – все он.
Без него нет меня! Нет меня!

ТАРКВИНИЙ.

Стайки птиц в глазах твоих.
Страсть нашла тебя.
Вишни губ твоих горят, горят желаньем...
Жажда в крови и трепет в сердце...

ЛУКРЕЦИЯ. Нет! Это ложь!

ТАРКВИНИЙ.

Разве апрель не искушает тебя?

Разве ты бесстрастна?

Разве возделенье не полнит грудь?

ЛУКРЕЦИЯ. Нет! Все ложь! Все ложь!

ТАРКВИНИЙ. Разве ты меня не хочешь?

ЛУКРЕЦИЯ. Нет! Уходи...

ТАРКВИНИЙ.

Лукреция! Ты вся дрожишь. Лукреция!

К тебе иду, иду к тебе! Лукреция!

ЛУКРЕЦИЯ.

О, мой супруг, Коллатин мой... ты любил меня.

Из моей души ты извлекал хрустальный лютни звон.

О, как ты умел меня понять и чистым быть, как я чиста.

ТАРКВИНИЙ. Красота не может быть чиста, пока мужчина зряч.

ЛУКРЕЦИЯ. Тарквиний, уйди...

ТАРКВИНИЙ.

Лукреция, поздно просить.

Легче Тибр направить вспять,

Нежели страсть мою распять.

К твоим губам я рвусь, нагим плечам!

О, дай! Дай мне разрушить этот храм!

ЛУКРЕЦИЯ. И это сын царя?

ТАРКВИНИЙ. Нет. Я твой царь!

ЛУКРЕЦИЯ. Нет, ты не царь, а страсти раб.

ТАРКВИНИЙ. Дай мне свободу.

ЛУКРЕЦИЯ. Раба спасти нельзя.

ТАРКВИНИЙ. Лукреция!

Лукреция в руках Тарквиния.

ЛУКРЕЦИЯ. Пусть я в твоих руках, но опозорен ты.

МУЖСКОЙ ХОР, ЖЕНСКИЙ ХОР. О, Тарквиний!

ТАРКВИНИЙ. Перед такую красотой бессильна даже смерть!

ЛУКРЕЦИЯ.

Тогда и красота великий позор.

ТАРКВИНИЙ.

Слепая страсть прозрела.

Заговорила кровь!

От красоты такой

До преступления – шаг.

ЛУКРЕЦИЯ.

Я не твоя! Уйди!

ТАРКВИНИЙ.

Преступно-ярок цвет

МУЖСКОЙ ХОР.

Пока не стала грудь ее

жертвой рук твоих

И пока еще не зажжен факел вечного позора.

МУЖСКОЙ ХОР,

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Прочь, прочь, Тарквиний

Ты способен, как зверь,

прибегнуть к силе?

твоих пурпурных губ,
Бездонных глаз твоих.

Прочь, Тарквиний!
Не оскверняй души.

ЛУКРЕЦИЯ.

Не унижай себя, не оскверняй души!

ТАРКВИНИЙ.

Исчез бы я, но страсть.
Унял бы страсть, но плоть.
Смирил бы плоть, но кровь!
Верни же душу мне.
Впусти меня на миг.
Дай мне родиться вновь!

МУЖСКОЙ ХОР,
ЖЕНСКИЙ ХОР.
До паденья – миг один.
Дальше – сплошная ночь.

Нет, не отступишь ты.
Не пощадишь себя...
И позор имя твое
покроет на века.

ЛУКРЕЦИЯ.

Нет! Я заклинаю! Уходи!

ТАРКВИНИЙ. Удел рабов – жалеть! Удел царей – желать!

Тарквиний сдерживает покрывало и разрубает его мечом.

ТАРКВИНИЙ. Меч рушит стыд!

ЛУКРЕЦИЯ. ...и пронзает сердце.

Тарквиний ложится на ложе Лукреции.

МУЖСКОЙ ХОР. Что ж, возносись в свой рай.

ЖЕНСКИЙ ХОР. Ступай, низвергайся в ад.

ЛУКРЕЦИЯ, МУЖСКОЙ ХОР,
ЖЕНСКИЙ ХОР.

Так в небеса взлетел кентавр
и овладел белой россыпью звезд.
Через века молвы людской
течет река, несет Лукрецию.
Тарквиний тонет в ней.

ТАРКВИНИЙ.

В небеса взлетел кентавр
и овладел россыпью звезд.
Через века течет река,
несет Лукрецию...
Тарквиний тонет в ней.

И Н Т Е Р Л Ю Д И Я

МУЖСКОЙ ХОР, ЖЕНСКИЙ ХОР.

Вам был показан миг,
Где побеждает мрак и торжествует ад.
(*Обернувшись.*) ...Боль их и мука –
В скорбных глазах Христа.

Как даль веков близка.
Но время длит ту ночь.
Срок не пришел познать
Крест на Голгофе,
Муку и кровь Христа.

Как объяснить греху,
Видящему лишь мрак,
Что свет спасенья жив?
Дева Мария,
Снизойди, дай совет.

Дева Мария, мать!
Пусть станет нам ясней

Истины Божий дух.
Пусть их согреет
Пламя Его любви.

Поднимается интермедийный занавес. Зал дома Лукреции, заполненный солнцем.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЛУЦИЯ, БИАНКА (входя). О, как прекрасен день!

ЛУЦИЯ.
Развевая вновь ночную тьму,
Солнце миру дарит свет.
Впусти же утро к нам, раскрой окно.

ЛУЦИЯ, БИАНКА. Как безмятежно утро!

БИАНКА.
И туман, зарею обагрив,
Спит еще над серебристым Тибром.
Грозит нам день жарой в полуденный час.
Значит, жди грозы к закату.

ЛУЦИЯ, БИАНКА. О, как прекрасен день.

ЛУЦИЯ.
Жаворонок песню запел,
И пусть она льется с небес на город, как водопад.
Сегодня нас ждет удача.

ЛУЦИЯ. Взгляни, наш расторопный садовник уже принес цветы.

Они подходят к окну, чтобы взять корзины, наполненные цветами.

ЛУЦИЯ. Дивный дар весны

БИАНКА.
Словно боги усыпают наш путь.
Как пахнут они...

ЛУЦИЯ. Смогу ли я преподнести букет Тарквинию?

БИАНКА.
Дай вазу мне,
К ней подойдет нарцисса цвет, не правда ли?
Бутон тюльпана ставлю я.
И эдельвейс. А виноград – сюда...
Один листок, второй листок.
Букет мой завершен.
О, как играют краски дождя и солнца в нем.

ЛУЦИЯ.
Составлю букет из роз,
В грозу они омыты дождем,
Ветер мешал их сну.
Но утром, под солнцем,
Краски жизни вновь вернув,
Пленяют сердца и души.
Смотри, какой букет:
Пять красных, белая одна.
Царица всех цветов она.

БИАНКА, ЛУЦИЯ.

И это все родит земля, чья нежная грудь
Отдана весной солнцу. О, весна, весна...

ЛУЦИЯ.

Как мне расставить фиалки и цветы мимозы?
И что делать с этой белой жимолостью?
Она невинна как дитя.
Ее благоуханье – дар богов.

БИАНКА.

Но орхидей кувшин оставь для госпожи.
Коллатин их так любит,

ЛУЦИЯ. Бианка, наследник надолго к нам?

БИАНКА.

Тарквиния в доме нет.
Ранним утром я услышала галоп
И с тех пор не спала.

ЛУЦИЯ. Так это скакал наследник?

БИАНКА. Кто же посмеет дворец царя будить галопом?

ЛУЦИЯ.

А наша Лукреция безмятежно спит в такое утро.
Время проснуться.

БИАНКА.

Нет. Пусть подремлет. Она впервые спокойно спит
С тех пор, как господи наш на войне.

ЛУЦИЯ.

Ответь мне, Бианка, красота ее рождена ее любовью?
Или любовь ее рождена красотой?
Или в сердце и в лице Лукреции – свет ее души?

Входит Лукреция.

БИАНКА. Тише, вот она.

ЛУЦИЯ, БИАНКА. Доброе утро.

БИАНКА. Что снилось вам в эту ночь?

ЛУКРЕЦИЯ. О, было бы это сном,.. как ждала бы я пробужденья!

БИАНКА. Как спалось вам?

ЛУКРЕЦИЯ. Глубок был сон, как смерть.

ЛУЦИЯ.

День встретил дивным утром вас,
Благословенным солнцем и цветами.

ЛУКРЕЦИЯ.

Да, он прекрасен, это день.
И цветы прекрасны в этих вазах.
И каждый ваш букет хорош.

БИАНКА. А вот кувшин нетронутых цветов ждет госпожу.

ЛУКРЕЦИЯ. Нетронутых... невинных...

БИАНКА. Вот, взгляните. Не встречала я нежнее орхидей.

ЛУКРЕЦИЯ. Нежнее... Выброси их.

БИАНКА.

Но за что же? Цветов прекрасней нет.

Ведь госпожа растила их.

ЛУКРЕЦИЯ.

Я не хочу их видеть. Уродство в них. Ложь в них и тлен.

Луция... Не медля, вышли гонца к Коллатину в лагерь.

Ты поняла меня? Ну? Жду я!

ЛУЦИЯ. Простите, но что, госпожа моя желает передать Коллатину.

ЛУКРЕЦИЯ.

Эту орхидею.

И пусть посыльный скажет ему,

Что в этом чудном цветке грезы женщин и вся их боль.

И мой позор... тоже в нем.

Римская куртизанка шлет ему эту орхидею

И просит поспешить домой, правый суд вершить.

Ну?! Что ты ждешь!? (*Луция хочет идти.*)

Нет! (*Смеется.*) Стой. Предложи гонцу мою любовь.

Да... Предложи всем мою любовь.

Взять меня может сторож мой вместе с кучером.

Ступай же. Живо... Торопись, Луция.

Ведь всем нужна чистота Лукреции.

Луция уходит.

БИАНКА. Госпожа моя, цветы убрать?

ЛУКРЕЦИЯ. Нет. Я расставлю их.

БИАНКА (*подавая вазу*). Ваза с водой.

ЛУКРЕЦИЯ.

Каждой весной цветы так совершенны...

И слепо верен солнцу каждый их листок и стебель.

Только цветы честны, но их жизнь – одно мгновенье.

Вечна любовь, но краткий миг крадет ее.

Связана любовь мужчин понятием чести,

А женщины любовь осквернена изменой.

Целомудрие цветка, освети мою печаль.

Скрой мой позор и стань мне венцом.

БИАНКА. Дитя, ты сплела венки.

ЛУКРЕЦИЯ.

Если бы вернуться в детство мне,

В царство свободы беспечной..,

Как светел он, вчерашний день,

Который был сто лет назад.

Ты это помнишь?

Лукреция уходит.

БИАНКА.

Да, я помню все.

Помню, как густые кудри, словно черный водопад,

Падали вниз на плечи.

Я помню лето, когда у тебя появилась грудь,
И помню я твой взгляд прозрачный.
Когда искала ты в саду Коллатина.
Да, я все помню...
Помню я все.
Возвращается Луция.

ЛУЦИЯ. Ты права. Тарквиний взял лошадь в конюшне.

БИАНКА. Что сказала ты посыльному?

ЛУЦИЯ. Чтобы наш господин скорей скакал домой.

БИАНКА.
Наш господин... Он возвращаться не должен.
Иногда в словах пользы меньше, чем зла.

ЛУЦИЯ. Но я...

БИАНКА. Гонец уехал? Верни. Что ты стоишь?

ЛУЦИЯ. Воля госпожи...

БИАНКА. Верни его. Ну, быстро!

Луция уходит.

Подчас полезней забыть приказ,
И знает об этом преданный слуга.
Ему, подчас, видней, нежли господину.
Пусть верит сердцу своему слуга.

Возвращается Луция.

Опоздала?

ЛУЦИЯ. Боюсь, что да.

БИАНКА. Догнать...

ЛУЦИЯ. Господин Коллатин здесь.

БИАНКА. Коллатин здесь?.. Один?

ЛУЦИЯ. Нет. С ним вместе Юний.

БИАНКА. О, небо. Что известно им?

Входит Коллатин и Юний.

КОЛЛАТИН. Что с госпожою? Бианка, что ты молчишь, где Лукреция?

БИАНКА. Она в саду...

КОЛЛАТИН. У наших ворот я встретил гонца.

БИАНКА. Он послан был не мной.

КОЛЛАТИН. Ты лжешь мне!

ЮНИЙ. Где, где Лукреция?

БИАНКА. Она... Ей не спалось всю ночь...

КОЛЛАТИН. Послан был гонец, чтоб я спешил домой.

ЮНИЙ (*тихо, указал Коллатину на служанок*). Они могут и не знать, что был Тарквиний здесь.

КОЛЛАТИН. Ночью был Тарквиний? Отвечай.

БИАНКА. Могу я лишь молчать.

КОЛЛАТИН (*Юнию*). Тарквиний был.

ЮНИЙ.

Утром, когда вернулся в лагерь он,

Понял я, что произошло.

Он так завидует тебе. Где же мог он быть?

Я разбудил тебя, и не зря, как видишь.

КОЛЛАТИН. О, нет, друг мой. Спешил ты зря.

Входит Лукреция, одетая в траурный пурпурный наряд, и тихо подходит к Коллатину.

КОЛЛАТИН.

Лукреция... Ничто разлучить не сможет нас, ничто.

У нас с тобой одно сердце. У нас с тобой одна душа.

ЛУКРЕЦИЯ.

Любить, любить, как я люблю – проклинать часы разлук.

Любить, любить, как я люблю – каждый миг твоею быть.

ЛУКРЕЦИЯ, КОЛЛАТИН. Любить, любить, как любим мы – каждый миг удара ждать.

ЛУКРЕЦИЯ.

Где те моря, чьи волны смоят мой позор?

Есть ли та земля, в которой бы мой позор истлел?

Где тот солнца свет, что сможет затмить мой позор?

Где такая ночь, чтобы в ней позор мой спрятать?

Любимый, загляни в глаза мне. Там эту ночь увидишь.

КОЛЛАТИН.

В твоих глазах нет ночи...

Там отраженье вечности и слеза, что не имеет тени.

ЛУКРЕЦИЯ.

Тогда в глаза мне не смотри.

Скажу тебе то, что в камень превратит твое сердце.

Заставь себя перешагнуть через жалость.

Этой ночью

Тарквиний растоптал мою к тебе любовь.

И надругался надо мной.

Все, что мы так берегли, он разрушил.

Слова мои никогда не должны быть забыты.

Странный мир.

Ведь наша любовь была в нем редкостью.

За что же мне позор мой, тебе же – эта скорбь, Коллатин?

КОЛЛАТИН.

Пока дух любви не предан, позора нет.

Кто мне ответит, в чем твой позор?

Пусть Тарквиния низость забудут люди.

Пусть Лукреции рану залечит время...

Коллатин склоняется к руке Лукреции,

ЛУКРЕЦИЯ.

Даже великую любовь позор сжигает.

Лукреция вонзает в себя меч.

Только смерть сильнее, чем он.
Да, только смерть спасет всех нас.
Смотри, как твой верный меч кровью смоем позор.
Лукреция умирает.

КОЛЛАТИН (*склоняясь над телом Лукреции*).
Лишь миг один, и смерть... крадет у меня орхидею.
Ослепленная счастьем жизнь моя погружается в бездну.
Как мал красоты срок.
И это всё? Это всё?

ЛУЦИЯ, БИАНКА.
Был добротой ее
прощен
Каждый наш
неверный шаг.
Любой наш
недобрый взгляд
ИскуПЛен ее красотой.
Прощальный трепет
роз живых,
У ложа смерти
часовых.
Всё. Она уже не видит
их.
Это всё.
Венок, что ею
был сплетен, –
Увенчан им ее
могильный холм.

ЮНИЙ.
(*Подойдя к окну.*)
О, Рим, восстань!
Вот что содеял этрусск!
Нашей Лукреции
больше нет!
И это дело рук
Тарквиния.
Мы пронесем ее тело
по городу. И Рим
восстанет!
И римский трон будет
мой.
Рим, чистота
Лукреции мертва!
И это сделал
Тарквиний!
Пусть видят тело ее
толпы римлян.

КОЛЛАТИН.
Как мал
красоты срок
Окончен
путь ее.
(*Поднимает
руку Лукреции.*)
Рука мертва.
Она падает,
ее рука...
Ослепленная
счастьем
жизнь моя
погружается
в бездну.
Как мал
красоты срок.

ЛУЦИЯ, БИАНКА.
КОЛЛАТИН,
ЖЕНСК. ХОР.
Как мал
красоты срок.
Краток миг любви. Это
всё.
Как мал красоты срок.
Краток миг любви. Это
всё. О, как краток миг
любви. Это всё.

ЮНИЙ.
Как мал красоты срок.
И римский трон будет
мой.
Как мал красоты срок.
И римский трон
будет мой,
будет мой.
И римский трон будет
мой.
И римский трон будет
мой.

ЖЕНСКИЙ
ХОР.
Виденье
красоты,
словно бег
иноходца.
Вот мчится
в погоню
за солнцем он
и тонет в лучах
навсегда.
Навсегда.
Тонет
навсегда...

ВСЕ.

О, смерть, как смела ты похитить ее красоту?!
О, жизнь, как ты могла смириться со смертью ее?!
Как мал красоты срок...
Это всё? Это всё? И это всё? Это всё? Это всё? Это всё? Это всё?

Коллатин, Юний, Бианка и Луция склоняются над телом Лукреции, как если бы опера уже окончилась,

ЖЕНСКИЙ ХОР.

Это всё? Горький урок тех давних лет для нас ничто?
Вот погибла любовь... ещё одна.
И все, что мы можем, – вновь полнить океан рекою слез...
И все, чем в этом мире владеют люди – скорбь истлевших лет,
О, времени бег.
Ты ясно видишь, как струится кровь на той горе,
Как льется наша кровь... За веком век, день за днем..
Неужели никогда не станет мир иным?
Это всё? И это всё?

МУЖСКОЙ ХОР.

Это не всё. Это не всё.

Эти ветры давних лет зовут всех нас в путь.

И все мы идем по склонам гор, поднимаясь вверх.

Идет Он впереди.

Он видит всё – любой поворот пути, и сомненья, и страх.

И всё прощает нам...

И просит в ответ наше смирение.

Он умер, чтоб живы были мы,

Всё нам простив, все раны, что мы ему нанесли.

Страсти Христа – вот наш свет.

Иисус Христос – спаситель.

Это всё. Это всё.

МУЖСКОЙ ХОР, ЖЕНСКИЙ ХОР.

С тех пор, как солнце спорит с тьмой,

И кровь на совести лежит людской,

Взывает к жизни памяти река.

Любовь! Лишь ты одна роднишь века!

К о н е ц о п е р ы